

АДАМ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУПРУН И ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТА

В. М. Мокиенко

Адам Евгеньевич Супрун – один из признанных патриархов отечественной славистики послевоенного времени. Разносторонность его научных интересов, инновационные инициативы и активная деятельность по распространению славистики в СССР и за рубежом, организационный талант и обаяние его личности позволили создать в Минском государственном университете один из самых признанных центров славистики. Вокруг учёного с 60-х годов прошлого века быстро сформировалась особая славистическая аура – молодая «могучая кучка», во многом определяющая в наши дни развитие нашей науки. И сам А. Е. Супрун был примером служения науке – «вдохновителем и организатором наших побед», как говорили в советскую старину. Он оставил глубокий след во многих областях славистики и общего языкознания.

Автора этих строк Адам Евгеньевич некогда в шутку называл своим «Нестором-летописцем». И я с гордостью принимал этот титул: ведь одна из моих первых публикаций [Мокиенко 1966] повествовала о блестящей защите А. Е. Супруном докторской диссертации о славянских числительных на учёном совете Ленинградского государственного университета. Эта защита в какой-то степени стала для учёного судьбоносной, ибо открыла ему двери в заведование открывавшейся в Минске кафедрой славянской филологии и общего языкознания. Наша же кафедра славянской филологии ЛГУ, которой заведовал проф. П. А. Дмитриев, стала тогда «кузницей кадров» будущих белорусских славистов. Г. А. Цыхун, Б. Ю. Норман, В. А. Карпов и другие выпускники ЛГУ быстро влились в ряды белорусских универсантов, став аспирантами, а затем и сотрудниками новой кафедры. А. Е. Супрун, направив эти молодёжь на стажировки в славянские страны, надолго определил перспективы их научной специализации и роста. Следя за расширением

славистического потенциала кафедры А. Е. Супруна, я как «супрунописец» время от времени откликался на успешные публикации и выступления основателя этой кафедры и его учеников [напр.: Мокиенко 1982, 1986], делал библиографические обзоры его научных достижений [Мокиенко 1984] и писал юбилейные статьи к его очередным юбилеям [Мокиенко 1988, 1998]. И, ведя летопись «супруноведения», не устал восхищаться полифонией творчества А.Е. Супруна.

Одним из неизменных научных увлечений белорусского слависта было исследование текста. Не случайно сборник статей, посвящённый его 70-летию юбилею, назван «Число – язык – текст». В этой триаде текст хотя и занимает последнюю позицию, но интерес к тексту (полабскому, старославянскому, современному русскому) сквозит практически во всех его научных трудах. В последние же годы жизни Адама Евгеньевича этот интерес оживотворился исследованием проблем интертекстуальности, которая в 90-е годы прошлого века выдвинулась на авангардные позиции в европейской и отечественной лингвистики. Это и понятно, ибо *текст* и *интертекст* органически взаимосвязаны и изучать одмо в отрыве от другого невозможно. «...Для понимания большинства современных текстов недостаточно только знания языка, нужна и так называемая «интертекстуальная компетенция» – узнавание и понимание большого числа немаркированных и неатрибутированных цитат и квазичитат, – подчёркивает современная исследовательница. – При этом интертекстуальная компетенция читателей и слушателей должна соответствовать интертекстуальному тезурусу автора текста, в противном случае возникает коммуникативная неудача: намерения автора не в полной мере «прочитываются» адресатом, что затрудняет понимание текста» [Шмелева 2016: 144].

Понятие *интертекстуальность*, возникшее под влиянием идей М. М. Бахтина, употреблено одной из первых Ю. Кристевой, которая понимает под этим явлением некую интеракцию, происходящую внутри отдельного текста [Kristeva 1969]. Возросший интерес к этой проблематике породил множество разнообразных и разноплановых научных публикаций, посвящённых интертекстуальности и смеж-

ным с нею областям [обзоры этой проблематики см.: Интертекстуальные связи...1993; Фатеева 2007 и др.; Савченко 2002, 3–42; Mokienko 2003]. Исследования Ю. М. Лотмана, И. В. Арнольд, Н. А. Фатеевой, И. П. Смирнова, К. П. Сидоренко, П. Х. Торопа в России, Й. Гомолач, С. Чмейрковой, Я. Гофмановой, П. Мареша в Чехии, Т. Жилки в Словакии и др. помогли раскрыть суть этого понятия, продемонстрировали роль различных интертекстуальных элементов в художественных произведениях. И одним из оригинальных и глубоких интерпретаторов этого лингвистического явления, естественно, стал Адам Евгеньевич Супрун.

Интертекстуальность, по одному из определений, – это «такие текстообразующие элементы, которые, имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста» [Савченко 2001, 155]. Действительно, одним из основных свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака: с одной стороны, он принадлежит данному, новому тексту, с другой – уже некогда созданному [Арнольд 1999: 376]. Большинство исследователей характеризуют интертекстуальность именно с позиций такой амбивалентности. Эта амбивалентность в какой-то мере отражается в вариантах терминологического обозначения интертекстуальности. Так, в чешской лингвистике наряду со словом *intertextualita* [Kraus 2000 и др.] употребляется и термин *intertextovost* [Hofmanová 1992; Homoláč 1996 и др.], который один из исследователей уточняет со ссылкой на английские соответствия: «благодаря уже прижившемуся термину метатекстовость, мы отдаём предпочтение термину *intertextovost* перед более употребительным международным соответствием *intertextualita* (англ. *intertextuality*, фр. *intertextualité*, пол. *intertextualność*)» [Homoláč 1996: 9]. Ср. и описательный термин *mezitextové navazování* (*межтекстовая соотнесённость*), синонимичное названным [Šmejrková 2000: 117].

Как бы при этом ни различались терминологические обозначения данного явления, понимание его разными исследователями в целом близозначно. Они покрываются

определением, данным И. В. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Палитра языковых единиц, соответствующих такому обозначению, весьма широка. В европейской (в частности, немецкой) филологической традиции интертекстуальность охватывает такие явления, как заимствование, интерпретация тем, сюжетов, цитация различных типов, плагиат, аллюзия, парафраза, пародия, экранизация, литературные эпиграфы [Сидоренко 2002а].

К. П. Сидоренко, использующий термин *интертекстема* как рабочее обозначение крылатых слов и выражений А. С. Пушкина, даёт ему следующее определение: «Интертекстема – это межуровневых реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлечённый в межтекстовые связи» [Сидоренко 2002: 317]. Это определение, как видим, исходит из преимущественно лингвистических показателей. Последний параметр – «вовлечённость в межтекстовые связи», однако, делает понятие *интертекстемы* не только и литературоведческим, но и семиотико-культурологическим, ибо межтекстовой связью может оказаться и последовательность любых знаков, любая форма коммуникации. Конкретный материал, который подвергается описанию с помощью термина *интертекстема*, действительно, имеет культурологическую глубину, что и было лексикографически использовано при составлении «Словаря крылатых слов Пушкина» [Мокиенко, Сидоренко 1999].

Связан с интересующей нас проблемой и современный термин *прецедентные тексты*, введённый Ю. Н. Карауловым для обозначения текстов, представляющих собой «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении и имеющие сверхличностный характер (т. е. хо-

рошо известные широкому окружению языковой личности, включая её предшественников и современников), обращения к которым неоднократно возобновляются в дискурсе этой личности [Караулов 1987: 216, 220]. Автор при этом подчеркивает национальный характер прецедентных текстов и их связь преимущественно с литературными источниками. По мнению И. В. Арнольда, к прецедентным текстам можно отнести не только тексты литературных произведений, но и народные песни, мифы, сказки, молитвы [Арнольд 1999: 426]. Вот одна из наиболее полных дефиниций этого современного термина: «Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самостоятельный продукт рече-мыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества, ... обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [Гудков 1999, 27]. К прецедентным текстам относят обычно Библию, произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, политические и публицистические тексты, а также устойчивые выражения, политические лозунги различных эпох, популярные цитаты (в том числе и классиков марксизма-ленинизма) и т. д. [ср. Костомаров, Бурвикова 1994; Гудков 1999; Chlebeda 2002]. Нетрудно увидеть, что материал этого рода во многом покрывается как традиционным обозначением *крылатые слова и выражения*, так и новейшим термином *интертекстема*.

А. Е. Супрун, подключившись к это актуальной научной проблематике, предложил инновативный и точный новый термин для обозначения явления интертекстуальности и интертекстем – *текстовые реминисценции*. Предлагая его, А. Е. Супрун подчеркивает, что этим термином он характеризует то же явление, что и прецедентные высказывания [Супрун 2001: 102]. Понятие же *текстовые реминисценции* определяется им как «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведённым текстам в составе более позднего текста» [Супрун 1995: 17; 2001: 84].

К текстовым реминисценциям (ТР) он относит цитаты (как целые фрагменты, так и целые словосочетания), «крылатые слова», отдельные определённым образом окрашенные слова (например, индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях). Так понимают объём (как видим, весьма широкий) текстовых реминисценций и последователи А. Е. Супруна [ср., напр.: Алексеенко 1998; 2001].

Как показывает обзор терминов *крылатые слова и выражения, прецедентные тексты, текстовые реминисценции и интертекстем*, явления, которыми они обозначаются, однородны, хотя по своим масштабам, функциональной доминантности и языковой качественности нетождественны. Их однородность подчёркивается и тем, что как бы ни обозначали соответствующие единицы исследователи, всегда даже в лагере единомышленников рождаются интерпретации, которые, в сущности, аннигилируют попытки обозначать разными терминами разные явления. Так, уже упомянутое расширение И. В. Арнольд объёма предложенного Ю. Н. Карауловым для литературных и национальных по происхождению интертекстем термина *прецедентные тексты* за счёт таких источников, как народные песни, мифы, сказки, молитвы ещё более приблизило этот термин к традиционному *крылатые слова и выражения*. Исключение же (после критической рецензии) украинского фольклорного материала из сборника крылатики при его переиздании [Коваль, Коптілов 1975], наоборот, сделало набор включенных в него единиц более «прецедентным» в узком понимании термина.

Объединяет называемые приведёнными терминами явления, как мы видели, многое. Основным же общим признаком для выделения соответствующих единиц, обладающих свойством интертекстуальности, является осознание носителями языка их некоторой «отстранённости» от собственно текста, «чужеродности». В этом проявляется неизбежная пересеканность интертекстуальности с цитатностью [Сидоренко 1998: 7]. Цитатность, маркированность источником – в сущности, единственный объединяющий признак, по

которому и выделяются *интертекстемы*, независимо от их традиционной или нетрадиционной номинации. Но, как своеобразно акцентировал А.Е. Супрун, даже этот важный признак не следует абсолютизировать, поскольку ассоциативные эксперименты с русскоговорящими показали, что ссылка на источник не означает действительного знакомства с последним и обнаруживает «мнимую текстовую реминисценцию» [Супрун 2001: 92].

Маркированность источником при этом – это не языковой, а экстралингвистический признак. Вот почему в лингвистическом отношении интертекстемы характеризуются исключительной разнородностью и не сводимы в некую целостную уровневую систему. В них нельзя по своей сути искать единую языковую природу. «Это скорее не строгие единицы, как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, может быть, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, – метко подчеркивает пограничный и лингвистически разнородный характер интертекстем (ТР) А. Е. Супрун, добавляя при этом: – но поскольку эта память – о словесных явлениях, она примыкает к языковому устройству и ТР могут рассматриваться как часть языка» [Супрун 2001: 106]. В этом смысле, по меткому выражению А.Е. Супруна [там же, 102], интертекстемы являются своего рода «дайджестами текстов». Таким образом, отношение интертекстем к языку определяется их воспроизводимостью памятью говорящего, а не их уровневой однородностью.

Констатация пограничного характера интертекстем весьма важна для их объективной классификации и корректного описания. Здесь возможны два главных направления – *экстралингвистическое* и *лингвистическое*.

Экстралингвистическая группировка интертекстем ориентирована на их источник. Отношение к источнику – общелингвистический критерий классификации, традиционно используемый всеми «интертекстологами» со времен Г. Бюхмана [ср. обзоры подобных классификаций на русском материале: Супрун 2001: 84–89; Шулежкова 2002: 35–168]. Набор рубрик такой классификации достаточно четко очерчен: Для европейского (в том числе и славянского) лингво-

культурологического ареала он включает интертекстемы: 1) из Библии; 2) из античной литературы и искусства; 3) из европейской классической литературы и искусства; 4) из собственной национальной литературы и культуры (фольклор, искусство, киноискусство и т. д.); 5) из современных средств информации (печать и реклама, телевидение, радио, интернет); 6) современная устная речь, стереотипизированная уличным фольклором (анекдоты, антипословицы и т. п.).

В разный период истории литературных славянских языков активизировались и активизируются разные группы источников, что несомненно регулируется экстралингвистическими причинами: политической ситуацией, экономическими и культурными влияниями, модой и т. п. Так, христианизация славянских народов надолго обеспечила активность интертекстем-библейств в славянских литературных языках, а послевоенная советизация Славии – насыщенность этих языков интертекстемами идеологического характера. Нельзя, однако, излишне прямолинейно связывать активизацию той или иной группы интертекстем с экстралингвистическими обстоятельствами. Внимательный анализ показывает, например, что несмотря на идеологически заостренную атеистичность советской идеологии и борьбу с так называемыми «религиозными пережитками» в литературе и прессе советского времени библействы продолжали интенсивно употребляться, а некоторые – даже активизировались, воспринимаясь в новом идеологическом облике как коммунистические символы [Мокиенко 1995]. Показательно и то, что постперестроечное негативное отношение к советским интертекстемам идеологического характера (цитатам классиков марксизма-ленинизма, лозунгам, клише и т. п.), вызвавшее их тотальную депатетизацию, в какой-то мере даже способствовало интенсификации их употребления и массивным творческим преобразованиям как в речи, так и в средствах массовой информации, – естественно, – иронических [Мокиенко 1996]. В этом плане следует учитывать, что языковая система каждого языка отбирает и активизирует вышеперечисленный «классический» набор интертекстем по своим собственным законам,

взаимодействующим с экстралингвистическими доминантами, но не тождественным последним.

Отсюда – и разная квота представленности интертекстом в разных социумах, и национальная специфичность, оригинальность корпуса интертекстом в каждом литературном языке. И в этом ракурсе исследования интертекстуальности А. Е. Супрун сказал своё веское слово. Любопытна, например, отмеченная им [Супрун 2001: 86, 99] для русского языка советского времени высокая частотность таких единиц из детской литературы, объясняемая не только спецификой детской памяти, но и обязательностью «школьной программы». Сопоставление их с подобными единицами украинской [Коваль, Коптілов 1975] или чешской и польской крылатики [Mokienko 1998] такой активности «детских» интертекстом не показывает.

Несмотря на общность основных источников в большинстве языков Европы, даже корпусы крылатых слов-библейзмов или интертекстом античного происхождения в них оказываются весьма различными. Сопоставительный анализ библейзмов в славянских языках, например, обнаруживает немало специфичного как в самом отборе этих единиц, так и их формальных и семантических воплощениях, функционировании в тексте, употребительности, стилистической маркированности и т. д. [Лилич, Мокиенко, Степанова 1993; Baláková, Mokienko 2016]. Эти различия, как показывают конкретные исследования по разным славянским языкам [Славянская фразеология и религия 1997; Die slawische Phraseologie 2013], объясняются не только различиями религиозных или культурно-исторических судеб того или иного народа (напр., количеством и качеством переводов Библии), но и адапционными потенциалами конкретных языковых систем, спецификой их формальной и семантической структуры. Немаловажно и разное отношение к литературной норме, объясняющее различную вариационную активность той или иной интертекстемы в конкретном славянском языке.

Даже такая простая, но имеющая сакральный смысл для всех супруноведов библейская интертекстема, как *Адам*, оказывается далеко не однозначной как в количественном,

так и в качественном отношении в разных языках [Мокиенко 1998]. И статистика употребления этого прецедентного имени, и его словообразовательные и фразеобразовательные потенции, и его коннотативный фон и стилистика разнятся даже в близкородственных языках. Одна семантическая доминанта, продиктованная первоисточником этого имени, остаётся при этом неизменной – первородность, человеческая первосотворённость Адама. Эту доминанту ощущают и все носители славянских языков, и сказители фольклора, и лингвисты, и, конечно же, – писатели и поэты:

И в юном мире юноша *Адам*,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая. (Н. Гумилев. Баллада.)

Отнесение к источнику, как уже отмечено, – экстралингвистический параметр интертекстом. Он, однако, весьма действенно влияет на их функционирование. Ведь именно маркированность источником создает у носителя языка восприятие интертекстемы как текста *in sich und an sich*. Будучи мини-текстом, интертекстема в макси-тексте ведёт себя весьма активно и полифункционально: то как его строевой элемент типа фразеологизма, то как его законченный фрагмент паремииологического типа, то как фрагмент своего прототипа, трансформированный почти до неузнаваемости. Функциональный статус интертекстом вообще чрезвычайно разнороден из-за разнородности их чисто лингвистического статуса. Стремление отождествить интертекстему (*resp.* крылатое слово или выражение, прецедентный текст, текстовую реминисценцию, логоэпистему, эптологизм и т. п.) с единицей конкретного уровня языковой системы обречено на неудачу, поскольку сам критерий её выделения, как мы видели, – критерий экстралингвистический.

Попытки такого отождествления, однако, лингвистами делаются постоянно, свидетельством чему явилась ожесточенная дискуссия о том, является ли крылатое выражение фразеологизмом, которая велась фразеологами в 60-е гг.

Время показало, что такая постановка вопроса некорректна и ответ на него зависит лишь от собственно языковой характеристики конкретных (но далеко не всех) интертекстем к категории *устойчивого словосочетания*. Та часть крылатики, которая функционально и структурно соответствует этой характеристике, и может быть отнесена к фразеологии. Точно так же интертекстемы с законченной паремиологической структурой могут быть отнесены к пословицам, а крылатые слова-мифологемы или имена собственные, претерпевшие метафоризацию – к коннотативным лексемам. В этом смысле интертекстемы являются генетическим источником самых разных по структуре и семантике языковых единиц, но таковыми их делает лишь «обкатанность» языковой системой, воспроизводимость в готовом виде.

Таким образом, определяя интертекстему как языковую единицу, необходимо при её выделении опираться на 3 категориальных признака:

1) **паспортизация** конкретным текстуальным источником т.е. в разной степени осознаваемое носителями языка авторство таких единиц;

2) **стереотипизированность** и воспроизводимость в готовом виде (не исключающая активной вариативности);

3) **интертекстуальность**, т. е. способность служить строевыми элементами текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически (на уровне концептов и символов) или стилистически.

Следует при этом подчеркнуть, что ни один из трёх названных критериев не является самодостаточным для выделения крылатых слов и крылатых выражений как специфических языковых единиц, поскольку каждый из них может характеризовать, как уже отмечалось, и иные единицы – от лексем до развёрнутого афоризма. Лишь совокупность трех этих критериев позволяет очертить круг «интертекстемики» как языкового явления. Вот почему широкое определение интертекстем как *текстовых реминисценций* снимает лингвистическую противоречивость соответствующих явлений и позволяет описывать их именно как «реминисценсную» данность.

Ведь даже такая простая, но имеющая сакральный смысл для всех супруноведов библейская интертекстема, как *Адам*, оказывается далеко не однозначной как в количественном, так и в качественном отношении в разных языках [Мокиенко 1998]. И статистика употребления этого прецедентного имени, и его словообразовательные и фразообразовательные потенции, и его коннотативный фон и стилистика разнятся даже в близкородственных языках. Одна семантическая доминанта, продиктованная первоисточником этого имени, остаётся при этом неизменной – **первородность**, человеческая первосотворённость Адама. Эту доминанту ощущают и все носители славянских языков, и сказители фольклора, и лингвисты, и, конечно же, – писатели и поэты:

И в юном мире юноша *Адам*,
Я улыбаюсь птицам и плодам,
И знаю я, что вечером, играя,
Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая. (Н. Гумилев. Баллада.)

Приводя эту текстовую реминисценцию и по-филологически дегустируя её, я вспоминаю 60-е годы уже далекого прошлого века, когда молодой доктор наук Адам Евгеньевич Супрун, став заведующим первой кафедрой славянской филологии в Беларуси, начал свою первородную деятельность. И сейчас, видя её зрелые плоды, мы, *адамиты-супруниты*, вторим духовному стиху XVII-го века:

Ликуйте, церкви восточная чада,
Скачите, овцы словеснаго стада,
Возвеселися, все *снмя адамле*,
Торжествуй свѣтло, *плнмя адамле*...

Литература

1. Алексеенко, М. А. Текстовые реминисценции современной газетно-публицистической речи / М. А. Алексеенко // Русский язык в контексте современной культуры. Материалы международной конференции. – Пермь, 1998. – С. 10–15.

2. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как явление вертикального контекста / М. А. Алексеенко // Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Heft II (2001. Sprachwandel des Russischen im Transformationsprozess am Ende des 20. und zu Beginn des 21. Jahrhunderts. Ursula Kantorczyk (Hrsg.). – Rostock, 2001. – S. 7–12.
3. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – Санкт-Петербург, 1999.
4. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М., 1999.
5. Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвуз. сб. науч. тр. – СПб., 1993.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
7. Коваль, А. П. Крилаті вислови в українській літературній мові. Афоризмі, літературні цитати, образні вислови. Видання друге, перероблене і доповнене / А. П. Коваль, В. В. Коптілов. – Киев, 1975.
8. Костомаров, В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.
9. Лилич, Г. А. Библиизмы в русском, чешском и словацком литературных языках / Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. – 1993. – Вып. 3. – С. 51–59.
10. Мокиенко, В. М. На филологическом факультете ЛГУ / В. М. Мокиенко // Советское славяноведение. – 1966. – № 4. – С. 111.
11. Мокиенко, В. М. Адам Евгеньевич Супрун // Библиографический указатель по славянскому и общему языковедению. Профессор Адам Евгеньевич Супрун. – Самарканд, 1984. – С. 1–15.
12. Мокиенко, В. М. Выступление по докладу А. Е. Супруна на IX-м Международном съезде славистов / В. М. Мокиенко // IX Международный съезд славистов. Материалы и дискуссии. Языковедение. – Киев, 1986. – С. 203–204.
13. Мокиенко, В. М. А. Е. Супрун-лингвист. К 60-летию со дня рождения / В. М. Мокиенко // Русский язык в школе. – 1988. – № 5. – С. 108–109.
14. Мокиенко, В. М. Фразеологическая система в периоды социально-политических и идеологических кризисов / В. М. Мокиенко // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц, 1995. – С. 4–6.

15. Мокиенко, В. М. Депатетизация ленинизмов в современном тексте / В. М. Мокиенко // Funkcjonowanie języka w różnych warunkach socjokulturowych i tekstowych. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Siedlce, 23-24 kwietnia 1996 r. Siedlce, 1996. S. 89–103.
16. Мокиенко, В. М. Адам в славянских языках / В. М. Мокиенко // Число – язык – текст. Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. – Минск, 1998. – С. 14–28.
17. Мокиенко, В. М. Рец. на кн.: А. Е. Супрун, А. М. Калюта. Введение в славянскую филологию. Минск, 1981. 432 с. / В. М. Мокиенко // Советское славяноведение. – 1982. – № 5. – С. 118–120.
18. Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб., 1999.
19. Савченко, А. В. Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Tankový praporek») / А. В. Савченко // II Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции. 12–14 сентября 2000 г. – СПб., 2001. – С. 155–157.
20. Савченко, А. В. Интертекстуальные элементы в структуре художественного произведения как экспрессивно-выразительное средство (на материале романа Й. Шкворецкого «Танковый батальон»); автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. В. Савченко. – СПб., 2002.
21. Сидоренко, К. П. Цитаты из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в текстах разного жанра / К. П. Сидоренко. – СПб., 1998.
22. Сидоренко, К. П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» / К. П. Сидоренко // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. – М., 2002. – С. 317–330.
23. Сидоренко, К. П. Интертекстематика (Пушкинский текст в интертекстовой динамике: лингвистический аспект) / К. П. Сидоренко. – СПб., 2002.
24. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языковедения. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
25. Супрун, А. Е. Исследования по лингвистике текста / А. Е. Супрун. – Минск, 2001.
26. Фатеева, Н. А. Интертекстуальность и её функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. – 1997. – Т. 56, № 5. – С. 12–21.

27. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – Изд. 3-е, стереотип. – М., 2007.

28. Шмелева, Е. Я. Интертекстуальный тезаурус современного россиянина / Е. Я. Шмелева // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции 12–14 дек. 2016 года. – М.; СПб., 2016. – С. 144–146.

29. Шулежкова, С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие / С. Г. Шулежкова. – М., 2002.

30. Baláková, D., Mokienko, V. Nič nie je nové pod slnkom / D. Baláková, V. Mokienko // Slavistična revija. – Letnik 64/2016. – Št. 2. April-junij. – S. 35–46.

31. Čmejrková, S. Reklama a intertextualita aneb Vlasy dělají člověka / S. Čmejrková // Stylistika, 9. – 2000. – S. 117–136.

32. Chlebda, W. Рец. на кн.: Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: изд-во Московского ун-та, 1999. 152 с. / W. Chlebda. // Studia i szkice slawistyczne. Literatura – Kultura – Język. 1 / pod red. W. Chlebdy i I. Światłowskiej-Prędoty. – Opole, 2002. – S. 257–263.

33. Die slawische Phraseologie und die Bibel – Славянская фразеология и Библия – Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie / red. H. Walter, V. M. Mokienko, D/ Balaková. – Greifswald, 2013.

34. Hoffmannová, J. K charakteristice postmoderního textu / J. Hoffmannová // SaS 53. – 1992. – S. 171–184.

35. Homoláč, J. Intertextovost a utváření smyslu v textu / J. Homoláč. – Praha, 1996.

36. Kraus, J. K problematice institucionálního diskurzu / J. Kraus // Stylistika, 9. – 2000. – S. 103–116.

37. Kristeva, J. Le mot, le dialogue et le roman. J. K., Sēmiotikē. Recherches pour une sémanalyse. – Paris 1969.

38. Mokienko, V. M. Okřídlená slova v češtině jako jev kulturologický / V. M. Mokienko 1998 // Počta 650. Výročí založení Univerzity Karlovy v Praze. Sborník příspěvků přednesených zahraničními bohemisty na mezinárodním sympoziu v Praze 20–26. srpna 1998. – II. Díl. – Praha, 1998. – S. 247–262

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ XVIII В.²

О. А. Горбань, Е. А. Берестова

1. Научные интересы профессора А. Е. Супруна включали в себя, наряду со многими другими вопросами, изучение закономерностей построения развернутых текстов, в частности их лексической структуры. Ученый видел актуальными такие задачи, как «поиск относительно строгой или размытой иерархии параметров лексической структуры», «совершенствование и уточнение ... способов представления лексических структур», разработку их типологии [Супрун 1993: 12], и в своих трудах представил блестящие образцы анализа лексической организации богослужебных, поэтических текстов на древнеславянском и современных славянских языках [см.: Супрун 2001].

С названных позиций возможно и исследование текстов документов, современных и исторических, которое расширит проблематику и инструментарий документной лингвистики. Стандартизированность документных текстов, наличие у них формуляра позволяют предположить у них и однотипность лексической структуры, по крайней мере в рамках одного вида (жанра) документа. В данной статье сделана попытка выявить такие типичные черты, установить сходство и различия в лексическом построении текстов региональных документов XVIII в. одного жанра с учетом их содержания и хронологической отнесенности.

2. Нами рассмотрены войсковые грамоты канцелярии Области Войска Донского из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоград-

² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 16-14-34004.